
КУЛЬТУРНЫЕ ИМПЕРАТИВЫ В ВЕК ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ИНКЛЮЗИЯ В ПЕРСПЕКТИВЕ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ БРИКС*

Астафьева О. Н., Судакова Н. Е.**

В статье показано становление новой универсалии современной культуры – инклюзии, которая призвана укрепить императивы социальной справедливости и солидарности в масштабах глобального мира. Инклюзия как сложностная мировоззренческая универсалия культуры представлена в перспективе реализации новой культурной политики стран БРИКС. Подчеркивается, что опора на социокультурный опыт каждой страны позволяет рассмотреть особенности формирования инклюзивного мышления, мировоззренческим ядром которого становится понимание инклюзии как универсалии, стимулирующее внимание к ценностям гуманизма в новых культурных инициативах. В процессе исследования вскрываются проблемы бедности, гендерного неравенства, эксклюзии людей с разными формами дефицита в области здоровья, по-разному проявляющиеся в эпоху глобализации в странах БРИКС.

Ключевые слова: глобализация, культурные императивы, универсалии культуры, инклюзия, сложностность, культурная политика, БРИКС, Другой.

The article shows the formation of a new universal of modern culture – inclusion, designed to strengthen the imperatives of social justice and solidarity on a global scale. Inclusion as a complex worldview and integrated culture is presented in the further implementation of the new cultural policy of the BRICS countries. The authors emphasize that relying on the sociocultural experience of each country allows us to take into account all the complex features of the formation of a new form of inclusive thinking, which becomes a universal worldview, stimulating attention to the values of humanism in new cultural initiatives. The study reveals the problems of poverty, gender inequality, and the exclusion of people with various forms of health deficiency in the era of globalization in the BRICS countries.

Keywords: globalization, cultural imperatives, cultural universals, inclusion, complexity, cultural policy, BRICS, Other.

---

* Исследование выполнено в рамках гранта РФФИ № 19-511-93002 КАОН_а «Культурно-философские основания китайско-российского сотрудничества».

**Астафьева Ольга Николаевна – д. филос. н., профессор, директор Научно-образовательного центра «Гражданское общество и социальные коммуникации», профессор кафедры ЮНЕСКО ИГСУ РАНХиГС при Президенте РФ. E-mail: on.astafyeva@igsu.ru.

Судакова Наталия Евгеньевна – к. пед. н., директор Института педагогики, психологии и философии образования АНО ДПО «Московская академия профессиональных компетенций». E-mail: sudakovane@bk.ru.

Введение

Усложнение глобализационного процесса, который, по противоречивым оценкам экспертов, то затухает, то нарастает с новой силой, однозначно приводит к изменению типов мышления и восприятия совместных форм бытия. Активные дискуссии и обсуждения возможностей распространения принципов межкультурного диалога и глобальной этики все больше смещаются в сторону признания особой роли универсалий культуры, меняющих понимание аксиологических оснований для включения этих идей в стратегии социальной и культурной политики. То, что сегодня при исследовании такой темы, как инклюзия, уже невозможно ограничиться каким-либо одним, пусть даже и очень широким, аспектом, игнорируя другие его составляющие, позволяет нам предположить, что представления об инклюзии в масштабах глобализирующегося мира так или иначе приобретают глобальный характер. Будь то образовательная или культурная политика, социальная или экономическая, вопросы, связанные с социальным равновесием, солидарностью в обществе, как пути к признанию равных прав людей, несмотря на их «непохожесть» (не в последнюю очередь в силу духовных или физических особенностей развития), актуализируют изучение ценностей инклюзии как особого типа мышления, как универсалии культуры.

Следует признать, что в современном мире возрастает число постулируемых императивов (что объясняется сложностью и динамичной изменчивостью мира, потрясаемого макро- и микродвижениями, рисками и уязвимостями), однако ценности гуманистической морали и социальной справедливости сохраняют свое место в иерархии представлений о человечности и помогают сдерживать давление глобализации.

Собственно говоря, в контексте данной темы размышления об инклюзии приобретают более глубокое смысловое наполнение, поскольку позволяют включать в объект исследования не только Другого, но и его разнообразный социокультурный опыт. Такой подход позволяет ставить вопрос об укреплении ядра нового гуманизма за счет включения в него инклюзии как феномена, определяющего новый тип мышления современного человека, сдерживающего его обесценивание.

Инклюзивные инициативы, активно распространяющиеся по всей планете, вписываются в постнеклассическую парадигму с ее синергетической сложностью, опирающуюся на методологический каркас теорий К. Майнцера, Э. Морена, Э. Ласло и др. В этой связи целесообразно отметить, что признание динамической полицелостности культуры с ее сложностью и эмерджентностью согласуется с утверждением о том, что «построение пути в человекомерное будущее при всей его квантово-сложностной неопределенности и растущей рискованности возможно лишь при создании новых инновационных подходов и инструментов его конструирования в рамках становящейся парадигмы сложности» [Аршинов, Буданов 2016], где инклюзия занимает одну из приоритетных позиций.

В глобализирующемся мире, с одной стороны, культура как антропо-социокультурная система включает инклюзию, имеющую характер мировоззренческой универсалии [Судакова 2018а]. С другой стороны, инклюзия постепенно «детерминируется» современной культурой как сложный мировоззренческий инструмент [Ее же 2018б], укрепляющий безусловную ценность каждого человека

для развития глобального сообщества во всех возможных аспектах, в том числе экономическом, социальном, образовательном и др., что фиксируется расширением использования ресурсов инклюзии в различных сферах социальной жизни и обусловлено реализацией Целей устойчивого развития 2030, концептуально фиксируемых Декларациями ООН в последние десятилетия.

Таким образом, постепенно приходит понимание, что феномен инклюзии обнаруживает свою сложностную структуру, проявленную эмерджентностью, мозаичностью, неоднозначностью общемировых инклюзивных инициатив, возникающих случайно и независимо друг от друга в различных сферах жизнедеятельности современного общества, в центре которых – задача обеспечения инклюзивного разнообразия, измеряемого сегодня индексом инклюзивного развития. Существенной характеристикой инклюзии является ее способность к самовоспроизводству и самодостраиванию, где стоит сделать «акцент на процессах самоорганизации», обнаруживающих ее «внутреннюю неоднородность, многомерность, нелинейность развития» [Астафьева 2009: 133], что находит отражение в том числе в зарождении и репрезентации существующих инклюзивных проектов.

Обращая внимание на становление инклюзии как феномена, заметим, что акцентирование внимания на какой-то отдельной составляющей данной проблемы мешает не только ее целостному восприятию, но и разработке адекватной стратегии развития инклюзивной политики, способствующей укреплению позиций социальной справедливости.

Все вышеизложенное позволяет представить данный феномен объектом исследования социальной синергетики, базирующейся на междисциплинарности и трансдисциплинарности и позволяющей раскрыть глобальный и действительно универсальный характер инклюзии.

Понимание инклюзии в БРИКС: на пути к социальной справедливости

Увеличивающаяся потребность в социальной сплоченности, обусловленная высоким уровнем неравенства, бедности, дискриминации и насилия в странах БРИКС, требует признания серьезной взаимозависимости между всеми видами социального опыта, включая его экономическую, культурную, политическую и другие составляющие. Этот аспект, имеющий значение для всех стран современного мира, приобретает особый смысл в условиях роста сложных социокультурных взаимосвязей между нациями, где параллельно разворачиваются как процессы мультикультурализма, так и отражающие их активность устремления к сохранению позиций культурного суверенитета.

Дж. Хагг и П. Кагванджа, исследующие проблемы культурного разнообразия и его влияния на развитие сообществ в регионах Южной Африки, обращают внимание на существующую зависимость между различными видами социального опыта. Они считают, что преодоление внутренних конфликтов, имеющих характер гражданских войн, вскрывающих проблемы идентичности, невозможно без выработки новых подходов [Hagg, Kagwanja 2007]. В центре данных процессов оказываются, по мнению Кофи Аннана, «разнообразие и сложность» [Annan 1998], которые в буквальном смысле исчерпывают собой нарастающий инклюзивный дискурс.

Соответственно, востребуется потенциал общемировых инклюзивных инициатив к масштабированию новой формы гуманистического мышления, способствующей преодолению нарастающих угроз и деструкций, где страны БРИКС не являются исключением.

Еще одним значимым аспектом является дихотомичность, проявленная как универсальностью, так и уникальностью инклюзивных инициатив, получивших свою реализацию в странах БРИКС. Это объясняется историко-культурными особенностями конкретного региона, влияющими на общественное восприятие инклюзии и определяющими государственную политику в отношении наиболее уязвимых слоев населения. Тем не менее не стоит нивелировать универсальные механизмы развития инклюзивного мышления, находящие свое отражение в странах БРИКС, где основные надежды сообществ закономерно связаны с развитием инклюзивных образовательных программ.

Наибольшую уязвимость во всех регионах БРИКС демонстрируют люди с разными формами дефицита в области здоровья, отношение к которым позволяет признавать их значимость для сообщества. Вместе с тем на поверхности оказываются множество других контекстов преодоления уязвимости человека как отличающегося от социальной нормы. Это проявляется прежде всего в актуализации внимания к проблемам бедности, гендерной, расовой и других форм дискриминации. Данные тенденции обнаруживают необходимость обеспечения права каждой личности на полноценное включение в социокультурную жизнь.

Изучая отчет об анализе реализации основ политики трансформации Гаутенга для уязвимых и выделенных групп на 2016–2020 гг. [Kanyane, Bohler-Miuler *et al.* 2017], можно сделать вывод о том, что в фокусе оказываются шесть из них, включая проблемы женщин, нуждающихся в расширении своих прав и возможностей, ветеранов войны, мигрантов, молодежи, пожилых людей, а также людей с ограниченными возможностями здоровья. Их жизненные перспективы во многом зависят от эффективности инструментов инклюзивной политики, направленной на обеспечение защиты прав человека и ведущей к укреплению позиций социальной справедливости, устраняющей социальный дисбаланс. Такой целостный и комплексный подход к исследованию проблем уязвимых групп обнаруживается как в стратегических документах, так и в исследовательских работах ученых Южной Африки, в том числе в итоговом отчете «Основы политики трансформации Гаутенга для уязвимых и обозначенных групп 2016–2020 гг.: теория изменений» [Kanyane, Hagg, Raseala 2017], а также в статьях К. Ндинда, Т. П. Ндхлову «Гендер, бедность и неравенство: исследование с точки зрения преобразования» [Ndinda, Ndhlovu 2018], М. З. Пири, Н. Молотья, Х. Макелане, Т. Купамупинди, К. Ндинда «Инклюзивные инновации и неравенство в Южной Африке: пример трансформирующей социальной политики» [Phiri *et al.* 2016]. Во многом изложенные там принципы согласуются с концепцией сложности в понимании инклюзии.

Исходя из этого, очевидно, что проблемы гендерного неравенства, являющиеся, по мнению З. Хузвайо, производными главенствующего в культуре Южной Африки патриархата [Khuzwayo 2014], не могут быть решены без содействия

формированию инклюзивно обусловленного мировоззрения, преодолевающего существующее обесценивание женщин.

Рассматривая пути распространения инклюзии в регионах БРИКС, обратимся к опыту Бразилии, где не вызывает сомнений инклюзивный характер распространения ценностей культуры посредством медиатехнологий. Открытые модели сетевой социальности в Бразилии демонстрируют признаки цифровой инклюзии, которая расширяет доступ к потреблению медиатехнологий маргинальным слоям населения. Важным является утверждение Х. А. Хорста, исследующего социокультурный ландшафт Бразилии, что «инклюзивность, открытость и социальность уникальны для бразильцев и не встречаются в других странах и контекстах» [Horst 2011: 438]. Важен и его вывод о том, что информационные технологии и бразильцы «составляют идеальный брак» [*Ibid.*: 440], поскольку исторически заинтересованы в технологиях и имеют существенный по сравнению с другими странами прирост молодежи, способной их освоить. Данные представления помогают сделать вывод, что в Бразилии уже сформировалась определенная культура инклюзии, обладающая уникальностью и берущая начало в традиционных для данного региона социокультурных практиках взаимодействия, нашедших свое воплощение в современных формах мультимедийного творчества. Государственная поддержка цифровой инклюзии в области культуры и образования, по мнению Х. А. Хорста, вызвала становление в обществе нового понимания социальной справедливости, преодолевающей социальные и цифровые различия. Этот подход также демонстрирует сложный характер инклюзии, рассматриваемой как инструмент преодоления любых форм уязвимости.

Безусловно, данный аспект не исчерпывает собой контексты исследования и реализации инклюзивной политики в Бразилии, где одной из базовых организаций выступает «Бразильская ассоциация социального обеспечения, социальной интеграции, культуры и окружающей среды – оценка (Рио-де-Жанейро)» [Fundo Brasil 2019], которая действует в интересах прав заключенных, чернокожих женщин и других слоев населения, имеющих какую-либо форму уязвимости. Таким образом, инклюзивный дискурс в Бразилии, по мнению М. Н. Хтуна, формируют проблемы половой и расовой дискриминации [Htun 2003], которые невозможно решить без новой стратегии культурной политики, способной изменить представление о значимости каждого человека для развития страны. Но самой актуальной на сегодняшний день является проблема бедности, которая касается 16 млн человек, живущих в условиях крайней нищеты [The World Bank 2014]. Нельзя не замечать и того, что она усугубляется увеличивающимся неравенством (на что обращает внимание Д. Биллер), ведь начиная с 2012 г. неравенство доходов в Бразилии достигло своего максимального значения: «...в 2018 году 10 % самых богатых бразильцев имели 43,1 % национального дохода по сравнению с 41,4 % в 2015 г. В то время как самые бедные 30 % работников увидели, что их доходы упали с 2017 г.» [Biller]. Таким образом, проблема бедности коснулась не только безработных, но и тех, кто потерял в заработной плате, что увеличило коэффициент расслоения общества по доходам и отодвинуло Бразилию на самые нижние позиции индекса инклюзивного роста.

Вместе с тем с 2003 г. в Бразилии реализуется политика инклюзивного образования. Основной проблемой воплощения данной инициативы является ее отвержение учителями общеобразовательных школ, которые выражают сомнение в целесообразности обучения детей с ограниченными возможностями здоровья в единой образовательной среде. Обратим внимание на то, как ведется подготовка учителей для работы в системе инклюзивного образования. Весь процесс обучения реализуется в формате *online* и длится около 9 месяцев. Можно предположить, что столь поверхностный подход к данной проблеме не способствует формированию не только инклюзивного мышления, но и необходимых для работы навыков. Непопулярность и низкая оплата труда учителя в Бразилии серьезно усугубляют ситуацию, о чем можно судить по работам А. Ченчи, Д. Ф. Вилаш Боаш, М. Ф. Дамиани [Cenci *et al.* 2016], а также М. Т. Э. Мантоан [Mantoan 2000].

Осмысляя инклюзию в Индии, обратимся к выработанной Национальным фондом при Министерстве социальной справедливости и расширения прав и возможностей инициативе «Инклюзивная Индия: на пути к инклюзивной Индии» [Press... 2017], устремленной к инклюзивному образованию, расширению прав и возможностей лиц с ограниченными интеллектуальными возможностями и нарушением развития. По замыслу ее организаторов, в данной инициативе должны принять участие около 2000 организаций корпоративного сектора, как государственных, так и частных, содействующих трудоустройству людей с ограниченными возможностями здоровья.

Рассматривая аспекты инклюзивной политики, выделим разные точки зрения на данную проблему. Одна из них, представленная Н. Сингал, вскрывает устойчивое отчуждение людей с ограниченными возможностями здоровья в Индии. Отсутствие четких статистических данных о численности людей с нарушениями в области здоровья, по ее мнению, связано с необходимостью семьи скрывать наличие инвалида, что способствует его стигматизации. Такое отношение к данной категории людей, по мнению Н. Сингал, во многом обусловлено социокультурными особенностями данного региона, где центральным философским понятием выступает карма (*карма*), вскрывающая причинно-следственные связи и отождествляющая инвалидность с расплатой за грехи, совершенные членами семьи в прошлой жизни [Singal 2008]. Таким образом, в Индии, где проблема обесценивания людей с дефицитом в области здоровья имеет глубокие социокультурные основания, инклюзия не может рассматриваться вне существующего контекста. Данное отношение к проблеме инвалидности, по мнению Сингал, «усиливает дистанцию ответственности» [*Ibid.*]. Обозначенная ситуация требует не только своего преодоления, но и глубокого изучения с позиции формирования инклюзивного мышления, становление которого в принципе возможно лишь в опоре на собственный социокультурный опыт региона. Вместе с тем возникает ситуация, когда опыт социокультурного взаимодействия может оказать существенное влияние в том числе на национальную культурную политику, где партнерство стран в формате БРИКС может изменить ситуацию в лучшую сторону.

Рассматривая различные аспекты становления инклюзии в странах БРИКС, обратим внимание на то, что полноценное понимание и основанное на нем про-

гнозирование ее развития затруднено вне комплексного, а именно междисциплинарного анализа.

Китай и Россия: новые императивы культурной, образовательной и экономической политики

Трансформация системы образования Китая и России имеет под собой те же основания, что и в других странах БРИКС, поскольку отвечает стратегическим инициативам ЮНЕСКО, регламентирующим общемировые реформы образования в инклюзивном ракурсе.

Обратим внимание на численность людей с инвалидностью в Китайской Народной Республике, которая, по сведениям второго национального выборочно-го обследования по инвалидности, проведенного в 2006 г., составляет около 82,96 млн человек, или 6,34 % от общей численности населения [Huiping 2019].

Осмывая отношение к инвалидности в Китае, заметим, что серьезное влияние на его формирование имеют традиционные для данной местности религиозные воззрения, а потому проблема инвалидности не может быть рассмотрена вне контекста имеющих вес конфуцианства и буддизма, где, так же как и в Индии, по мнению населения, она является следствием искупления семейных грехов [Chan 1992; Chinese... 2005]. Таким образом, по мнению Ч. Чена, неудивительно, что в Китае семья стыдится инвалидности, что особенно ярко заметно по отношению семьи к родственнику с нарушениями интеллекта [Chen, Simeonsson 1994]. Негативизм в отношении к людям с дефицитом в области здоровья формируется традиционными культурными императивами и усугубляется тем, что родители избегают социальных контактов своего ребенка. Данное отношение укрепляет стереотипы относительно человека с нарушениями здоровья, которые не позволили полностью реализоваться инклюзивным инициативам. Более того, насаждение идеи инклюзивного образования не привело к положительному результату, поскольку молодое поколение китайцев демонстрирует негативное отношение к модели совместного образования. На существующее положение повлияла и ограничительная демографическая политика [Мао 1998].

Данная проблема является значимой для Китая, где для ее решения в 80-е гг. XX в. впервые создали программы обучения людей с инвалидностью в высшей школе. Таким образом, к концу 2016 г. в Китае функционировало 21 высшее учебное заведение для лиц с нарушениями в области здоровья. Закон о защите прав инвалидов от 1990 г. (дополненный в 2008 г.) и положение «О внедрении методов интегрированного обучения в работе по развитию малолетних детей с ограниченными возможностями» от 1994 г. способствовали расширению позиций инклюзии в этой стране [Мэн 2004].

Актуализируются сегодня в Китае и проблемы гендерного равенства, где равным возможностям женщин уделяется особое внимание. Цели устойчивого развития 2030 задают тон развитию мировой инклюзивной экономики, где инициативы Китая значительно расширяются. Очевидно, что для обеспечения экономического роста требуется реформирование всей системы образования, что актуально как для Китая, так и для России. Этот вывод согласуется с Всемирным докладом по мониторингу образования, в котором заявлено, что «образование является двига-

телем экономического роста, способствует росту доходов беднейших слоев населения и, при условии справедливого распределения создаваемого богатства, сокращению неравенства» [Всемирный... 2016]. Принятая в Циндао в 2015 г. Декларация «Использовать цифровые возможности, возглавить трансформацию образования» [Qingdao... 2015], отображающая новое видение Образования 2030, призывает сообщества строить инклюзивные общества знаний, основанные на справедливом и инклюзивном доступе к качественному образованию для всех на протяжении всей жизни. Инклюзивность и доступность объявляются приоритетными, а «технологии предоставляют беспрецедентные возможности для преодоления разрыва в обучении» [*Ibid.*: 32]. Согласно данному документу, информационно-коммуникативные технологии (ИКТ) способствуют обеспечению гендерного равенства, а также помогают людям с нарушениями в области здоровья получить максимальный доступ к образованию и возможностям для самореализации.

Таким образом, мировое сообщество постепенно укрепляется в понимании, что квалифицированные трудовые ресурсы не могут быть приоритетом без формирования инклюзивного мышления, способного транслировать ценности разнообразия, социальной справедливости и значимости каждого человека. Несмотря на то, что наиболее высокие темпы роста экономики ожидаются в Китае и Индии, социокультурные особенности данных регионов стигматизируют роль Другого в развитии сообщества. Данный ракурс делает еще более значимым понимание, что инклюзивный дискурс не может полноценно расширяться, не имея социокультурного базиса в роли новой формы сложностного мышления, диагностирующего уязвимость человека и способствующего ее преодолению. Разнообразие проблем и контекстов обесценивания человека, разнообразие социокультурного опыта предопределяет сложностный характер инструментов для формирования инклюзивного отношения к Другому.

В Китае наряду с государственными проектами реализуются инициативы ЮНЕСКО по искоренению неравенства с разных сторон, в том числе в ракурсе поддержки мигрантов. В 2001 г. проект экспериментального исследования «Вместе с мигрантами» вскрыл проблему интеграции в городское сообщество мигрантов из сельской местности [«Together...» 2010: 21]. В мае 2009 г. в Пекине при содействии ООН запустили трехлетний проект по поддержке молодых мигрантов из сельских регионов стоимостью 7 млн долларов. Возросшие с 2004 г. миграционные потоки молодых китайцев, имеющих лишь неполное среднее образование, стали серьезной проблемой для экономики Китая, не только обеспечивающей города дешевой рабочей силой, но и усугубляющей конфликтогенную составляющую, обусловленную увеличением разрывов в благосостоянии и возможностях для самореализации [China... 2009: 10].

Востребованными являются и различные аспекты реализации инклюзивных инициатив в области цифровой экономики, что показывает ее неотделимость от культурной политики, где концепция инклюзивного финансирования активно расширяется. Статистика свидетельствует, что 95 % населения Китая имеют доступ к Интернету в своих мобильных устройствах, а также могут рассчитывать на разнообразные инструменты финансового кредитования [The Hong Kong...

2017]. Инклюзивные инновации постепенно расширяют доступ к основным товарам и услугам для всех людей, что улучшает качество их жизни и формирует новые возможности для удовлетворения потребностей. Этот аспект является важным, поскольку растущее неравенство между бедными и богатыми формирует новые угрозы, что видно из доклада Всемирного банка «Китай. Инклюзивные инновации для устойчивого инклюзивного роста» 2013 г.: «Быстрый и последовательный экономический рост Китая за последние несколько десятилетий существенно сократил число людей, живущих в бедности, но резко увеличил неравенство в доходах» [Financial... 2013]. Данное расширение заметно в том числе в контексте 13-кратного разброса в доходах бедных и богатых, что, безусловно, ограничивает возможности бедного населения для реализации своих прав. Вместе с тем с дефицитом финансирования до сих пор сталкиваются более 230 млн человек взрослого населения, не имеющего банковского обслуживания.

Очевидно, что проблемы инклюзии не могут быть рассмотрены вне проблем бедности: «В Китае и во всем мире “обездоленные”, “экономически исключенные” или “бедные ресурсами” не имеют доступа к основным жизненным потребностям, таким как чистая вода, санитарные услуги, доступное жилье, питание, базовое здравоохранение, электричество, дороги, базовое образование и финансовые услуги» [Ibid.]. Для решения данной проблемы нужна целенаправленная государственная политика, где инклюзивный рост не только выступает в роли ценностной составляющей цивилизованного общества, но и является инструментом формирования «умной» экономики, преодолевающей проблему социального дисбаланса и способствующей экономическому развитию общества, в котором каждый член общества приносит свой посильный, но продуктивный вклад. Выработка целостной инклюзивной инновационной стратегии позволяет достигнуть максимальных результатов для реализации Целей устойчивого развития 2030, что согласуется с заявленной позицией Всемирного банка.

Инклюзия в России развивается не менее активно, вскрывая необходимость трансформации мировоззренческих императивов, традиционных для нашей страны. Переоценка авторитета России в общемировом контексте в 90-е гг. XX столетия вызвала необходимость переосмысления роли человека и его вклада в социальный прогресс. Данный вопрос впервые актуализировал возможности самореализации Другого, который подвергался эксклюзии. В первую очередь эта проблема, как и в других странах БРИКС, наиболее значима для человека с какими-либо формами дефицита в области здоровья. В России, где число инвалидов, согласно официальным данным ПФР [Пенсионный... 2019], в августе 2019 г. составляло более 11,3 млн человек, среди которых 6,4 млн – женщины, а инвалидов трудоспособного возраста (до 60 лет) – 4,2 млн человек, проблема инклюзии имеет актуальный характер. Поиски способов реализации «философии независимой жизни» для 8 % от общего населения России активно обсуждаются на многих общественных и научных площадках. Очевидно, что разворот в сторону проблем социального включения инвалидов свидетельствует о серьезной смене ценностных императивов, демонстрируемой российским обществом и влияющей на стратегию его развития. В ситуации, когда высокотехнологический ресурс доступен для большинства людей в мире, когда уже не вызывают ажиотажа ни аддитивные техно-

логии и их возможности, ни новые возможности машинного обучения, выраженные в том числе ресурсами нейронных сетей глубокого обучения, открывающие невиданные ранее перспективы анализа многомерных данных, ни набирающий обороты киберспорт, значимость проблем тех, кто не может самостоятельно выйти из дома, открыть дверь или посчитать сдачу, становится еще более ощутимой. Недоумение вызывает и то, что возможность не только работать, но и получать доход, а значит, вписываться в «философию независимой жизни», имеют, по оценкам российских специалистов, только 16 % инвалидов [Инвалидность... 2017], что демонстрирует масштабное нарушение прав людей с дефицитом в области здоровья на достойную жизнь, где базовые потребности человека в активной социальной жизни и творческой самореализации не находят отклика. Безусловно, сама акцентуация проблемы инвалидности в России стала возможна лишь после ратификации Конвенции о правах инвалидов, датированной 13 декабря 2006 г., а потому этот день можно считать официальным стартом инклюзивных преобразований.

Современная Россия демонстрирует стремительный рост инклюзивных инициатив во всех областях жизнедеятельности, что символизирует возросшую активность общества в решении проблем преодоления социального дисбаланса. В 2012 г. был принят новый закон «Об образовании» [Федеральный... 2012], запустивший правовой механизм реализации идеи инклюзивного образования, получившей за прошедшее время значительное распространение во всех регионах Российской Федерации, где модернизация всех областей жизнедеятельности согласуется с образовательными изменениями, цель которых – постепенное повышение качества жизни каждого человека. Безусловно, ее реализация вскрывает множество проблем социокультурного характера, ведущих к экономическим последствиям, где инклюзивное мышление, опосредующее ценности социального равенства и солидарности, лишь обнаруживает необходимость своего формирования. Само становление инклюзивного мировоззрения в России имеет неравномерный характер, где большинство существующих проектов реализуются общественными организациями разного масштаба и характера, основной задачей которых является поддержка человека с ограниченными возможностями здоровья.

Вместе с тем становление социокультурной реальности нового формата, обусловленной инклюзивными ценностями, происходит весьма по-разному, что подтверждается разнообразными проектами, в том числе российского формата. Параллельно с государственными программами развития инклюзивного образования в России, выраженными в том числе в Национальной стратегии действий в интересах детей до 2017 г. [Указ... 2012], Стратегии развития воспитания до 2025 г. [Стратегия...], государственной программе «Доступная среда» до 2020 г. [Государственная...], формируется значительная общественная поддержка идеи инклюзии. Самыми востребованными среди них являются: АНО «Центр проблем аутизма» [АНО «Центр...»], оказывающая содействие носителям данной формы дефицита, многие проекты которой поддержаны Фондом президентских грантов; АНО «Белая трость» [АНО «Белая...»], способствующая распространению новой формы инклюзии – философии экстрабилити как пространства дополнительных возможностей людей с дефицитом в области здоровья, возникающих в процессе

развития компенсаторных функций организма; АНО Центр социокультурной анимации «Одухотворение» [АНО Центр...], занимающаяся реализацией множества проектов, направленных на формирование культуры инклюзии. Данные инклюзивные инициативы вписываются в актуальную стратегию культурной политики России, обновляемую при государственной и общественной поддержке, где при содействии организации «Рыбаков Фонд» реализуется новая федеральная программа «Равенство возможностей» [«Равенство...»], направленная на создание социокультурного пространства равных возможностей.

Заключение

Представленные инициативы, получившие глобальное распространение, демонстрируют сложный характер инклюзии, где не важен статус реализации какого-либо проекта, так как его востребованность и жизнеспособность не являются значимыми для дальнейшей реализации целей инклюзии, поскольку «ризома может быть разбита, разрушена в каком-либо месте, но она возобновляется, следуя той или иной своей линии, а также следуя другим своим линиям» [Делез, Гваттари 2010: 16]. Это позволяет говорить о способности инклюзии к самовоспроизводству и самодостраиванию, которая может быть рассмотрена лишь в контексте комплексной, междисциплинарной методологии, эффективной в том числе для анализа инклюзивного социокультурного проектирования в странах БРИКС. Глобализация формирует новые траектории культурно-цивилизационного проектирования, где активно завоевывает авторитет новая универсалия современной культуры – инклюзия, претендующая на то, чтобы стать ядром планетарного мировоззрения современной эпохи.

Литература

АНО «Белая трость». [Электронный ресурс]. URL: <https://extrability.org/projects/school-of-inclusion/>

АНО «Центр проблем аутизма». [Электронный ресурс]. URL: https://drive.google.com/file/d/1iLXsHQ_ZwolVRu2i3_kKVguu5seRG1hF/view.

АНО Центр социокультурной анимации «Одухотворение» [Электронный ресурс]. URL: <http://oduhotvorenje.com/>

Аршинов В. И., Буданов В. Г. Парадигма сложности и социогуманитарные проекции конвергентных технологий // Вопросы философии. 2016. № 1. С. 59–70.

Астафьева О. Н. Целостность культуры как «единство множественности» // Синергетическая парадигма. Социальная синергетика: сб. ст. / ред.-сост. О. Н. Астафьева, В. Г. Буданов. М.: Прогресс-Традиция, 2009.

Всемирный доклад по мониторингу образования. Устойчивая и инклюзивная экономика как залог благополучия. Б. м.: ЮНЕСКО, 2016.

Государственная программа Российской Федерации «Доступная среда» на 2011–2020 гг. [Электронный ресурс]. URL: <http://static.government.ru/media/files/6kKpQJTEgR1Vmijyqi6GWqpAoc6OmnC.pdf>.

Делез Ж., Гваттари Ф. Капитализм и шизофрения: тысяча плато. Екатеринбург: У-Фактория, М.: Астрель, 2010.

Инвалидность и социальное положение инвалидов в России / под ред. Т. М. Малевой. М. : ИД«Дело» РАНХиГС, 2017.

Мэн Д. Многоуровневая модель образования и схема инклюзивного образования в Китае // Китайское инклюзивное образование. 2004. № 6. С. 1–7.

Пенсионный фонд РФ. Численность инвалидов. 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://sfri.ru/analitika/chislennost/chislennost?territory=1>.

«Равенство возможностей». Инициатива «Рыбаков Фонда» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ravniy.com/>

Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://council.gov.ru/media/files/41d536d68ee9fec15756.pdf>.

Судакова Н. Е. Инклюзия в системе универсалий культуры: самооценность Другого в становлении соучастного бытия // Человек. Общество. Инклюзия. 2018а. № 3(35). С. 32–38.

Судакова Н. Е. Человек в эпоху инклюзии: рождение соучастного Бытия. М. : Буки Веди, 2018б.

Указ Президента РФ от 1 июня 2012 г. № 761 «О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 гг.» [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/70183566/>.

Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ.

Annan K. The Causes of Conflict and the Promotion of Durable Peace and Sustainable Development in Africa: Report of the Secretary-General. 1998 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.un.org/ecosocdev/geninfo/sgreport/report.htm>.

Billier D. Brazil's Income Inequality Hits Highest Since at Least 2012 [Электронный ресурс]. URL: <https://finance.yahoo.com/news/brazils-income-inequality-hits-highest-164444279.html> (дата обращения: 17.10.2019).

Cenci A., Vilas Bôas D. F., Damiani M. F. The Challenge of Inclusive Education in a Brazilian School: Teachers' Concerns Regarding Inclusion [Электронный ресурс] : Research, Society and Development. 2016. No 2(2). Pp. 94–106. URL: https://www.researchgate.net/publication/327294020_The_challenge_of_inclusive_education_in_a_Brazilian_School_teachers'_concerns_regarding_inclusion.

Chan S. Families with Asian Roots. Developing Cross-Cultural Competence. Baltimore : P. H. Brookes, 1992. Pp. 181–258.

Chen J., Simeonsson R. Child Disability and Family Needs in the People's Republic of China // International Journal of Rehabilitation Research. 1994. No 17. Pp. 25–39.

China: UNESCO Pilot Project on the Rights of Young Migrant // SHSviews. 2009. No 25 [Электронный ресурс]. URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000183490_rus?posInSet=2&queryId=3b85fa4f-b509-4a28-8426-6a55322ea199.

Chinese. General Information. The Multicultural Disability Advocacy Association of New South Wales. 2005 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mdaa.org.au/publications/ethnicity/chinese/general.html>.

Financial and Private Sector Development East Asia and Pacific Region. China. Inclusive Innovation for Sustainable Inclusive Growth. 2013 [Электронный ресурс]. URL:

<https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/26333/revised08251900Box0382083B00PUBLIC0.pdf?sequence=1&isAllowed=y>.

Fundo Brasil. Brazilian Association for Social Welfare, Social Inclusion, Culture, and Environment – Estimate (Rio de Janeiro State). 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fundobrasil.org.br/en/>

Hagg G., Kagwanja P. Identity and Peace: Reconfiguring Conflict Resolution in Africa. *African Journal on Conflict Resolution*. 2007. No 7(2). Pp. 9–35.

Horst H. A. Free, Social, and Inclusive: Appropriation and Resistance of New Media Technologies in Brazil // *International Journal of Communication*. 2011. No 5. Pp. 437–462.

Htun M. N. Dimensions of Political Inclusion and Exclusion in Brazil: Gender and Race. 2003 [Электронный ресурс]. URL: http://iknowpolitics.org/sites/default/files/dimensions_of_political_inclusion_and_exclusion_in_brazil.pdf.

Huiping C. Information Center of China Disabled Persons Federation. The Development of ICT Accessibility for Persons with Disabilities in China. 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.un.org/disabilities/documents/egm2012/Cui.PresentationPPT.pdf>.

Kanyane B., Bohler-Muller N., Hagg G., Chiumbu S., Hart T., Makiwane M., Steyn J., Kotze S., Houston G., Pophiwa N., Gordon S., Alubafi F., Ngungu M., Zikhali T., Viljoen J., Wentzel M., Mdlongwa T., Raseala P., Majozi N. Gauteng Transformation Policy Framework on Vulnerable and Designated Groups 2016–2020: A Situation Analysis Report. 2017 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hsrc.ac.za/en/research-outputs/view/8615>.

Kanyane M., Hagg G., Raseala P. Gauteng Transformation Policy Framework on Vulnerable and Designated Groups 2016–2020: Theory of Change: Final Report. 2017 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hsrc.ac.za/en/research-outputs/view/8748>.

Khuzwayo Z. Addressing Gender Inequality // *South African Labour Bulletin*. 2014 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hsrc.ac.za/en/research-outputs/view/7106>.

Mantoan M. T. E. Special Education in Brazil – from Exclusion to Inclusion // *ETD – Educação Temática Digital*. 2000. No 1(3) [Электронный ресурс]. URL: <https://nbn-resolving.org/urn:nbn:de:0168-ssoar-106349>.

Mao X. Chinese Geneticists' Views of Ethical Issues in Genetic Testing and Screening: Evidence for Eugenics in China // *American Journal of Human Genetics*. 1998. No 63. Pp. 688–695.

Ndinda C., Ndhlovu T. P. Gender, Poverty and Inequality: Exploration from a Transformative Perspective // *Journal of International Women's Studies*. 2018. No 19(5). Pp. 1–12.

Phiri M. Z., Molotja N., Makelane H., Kupamupindi T., Ndinda C. Inclusive Innovation and Inequality in South Africa: A Case for Transformative Social Policy [Электронный ресурс] : *Innovation and Development*. 2016. No 6(1). Pp. 123–139. DOI: 10.1080/2157930X.2015.1047112. URL: https://www.researchgate.net/publication/279159847_Inclusive_innovation_and_inequality_in_South_Africa_A_case_for_transformative_social_policy.

Press Information Bureau Government of India Ministry of Social Justice & Empowerment. National Trust under M/O Social Justice & Empowerment Launches 'Inclusive India Initiative'. Aspiring for Inclusive Education, Empowerment and Community Life to Persons with Intellectual and Developmental Disabilities. 2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://pib.gov.in/newsite/PrintRelease.aspx?relid=164434>.

Qingdao Declaration. Seize Digital Opportunities. Lead Education Transformation. 2015 [Электронный ресурс]. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000233352>.

Singal N. Forgotten Youth: Disability and Development in India. Working Paper 14. Research Consortium on Educational Outcomes and Poverty. University of Cambridge (UK). 2008 [Электронный ресурс]. URL: <http://recoup.educ.cam.ac.uk/publications/WP14-NS.pdf>.

The Hong Kong University of Science and Technology. FinTech and Financial Inclusion in China. 2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://iems.ust.hk/tlb20>.

The World Bank. Productive Inclusion in Brazil. 2014 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.worldbank.org/en/results/2014/05/29/brazil-productive-inclusion-efforts-increase-equality>.

«Together with Migrants» to Eradicate Poverty in China // SHSviews: Special Issue. 2010 [Электронный ресурс]. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000187407>.